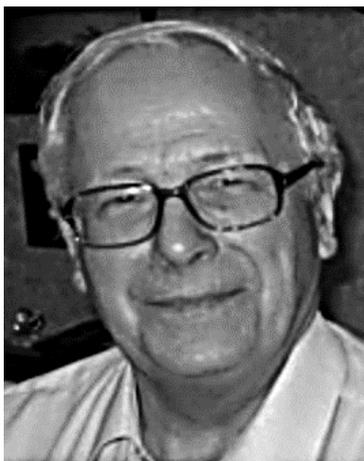

**ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА АРКАДИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СОКОЛОВА
(10.02.1934–16.11.2023)**

**IN MEMORY OF PROFESSOR ARKADY VASILIEVICH SOKOLOV
(10.02.1934–16.11.2023)**

Мне поступило предложение написать некролог памяти Великого Мэтра Аркадия Васильевича Соколова. Задача абсолютно непосильная: вовсе не считая себя специалистом совсем уж средненького уровня, я всё же различаюсь с покойным в классе настолько, что могу говорить о нём лишь на уровне того слепого, которому поручили описать слона: ошупанный им хобот похож на змею, нога – на колонну... а каков в целом слон?!. Но на оценку слона в целом банально не хватает рецепторов. В моём случае – широты, глубины и системности мышления. Да и знаний. У Аркадия же Васильевича широта, глубина и системность мышления имели неправдоподобно высокие характеристики, а знания казались бескрайними.

Так что же: отказаться от предложения и забыть? Но уважение к Мастеру, пронесённое сквозь профессиональную жизнь, требует своего выражения: следующего повода, увы, у меня уже не будет. Поэтому отдаю в журнал эти абсолютно нерепрезентативные, но максимально искренние заметки: если не пойдут в печать, так просто размещу в фейсбуке.

...«О чём думаешь?» – спросили у меня давеча дома. – «О ком», – поправил я, – «О Соколове». – «А кто это такой?»... Надолго задумавшись о краткой характеристике, я нашёл-таки образный ответ: рассказав, как листал однажды (в феврале 1986 г.) новосибирский сборник по автоматизации библиотечного дела и натолкнулся там на работу под названием «Метаконцепция суперсистемы», написанную А.В. Соколовым, я объяснил своим домашним, что категориями именно такого – и не меньшего – масштаба и оперировал этот Учёный. Да что «суперсистемы»? им создавались метатеории (одно из самых частых слов, которые я от него слышал при паре наших коротких встреч в 1980-е), и им же формировались *мировоззрения*: так, одна из его книг имеет такой скромный подзаголовок-атрибуцию, как «профессионально-мировоззренческое пособие» [1]! Не признавая невозможных задач и необходимости ограничений широты подходов к их решению, он решал их с беспрецедентной глубиной и неистовым размахом, и действительно был *скромнен* с использованием подобных терминов: точность ведь не имеет отношения к претенциозности; скорее уж она скромна, т.к. не претендует на большее, нежели ей характеризуется... Глубина же его работ была из тех, когда прозрачность воды позволяет видеть на глубоком дне все детали.

Любая попавшая в поле зрения публикация А.В.Соколова вызывала восторг. При этом, будучи автором крутейших монографий, он никаких изданий не чурался: помню, к примеру, его огромную статью с потрясающим названием «Детерминизм и деонтология в документной коммуникационной системе», опубликованную в «Вестнике Челябинской государственной академии культуры и искусств» [2]. Да и самое первое моё знакомство с его работами произошло при чтении сборника трудов Ленинградского (тогда) института культуры [3]. Скромность притязаний в отношении публикуемых изданий была, возможно, долгие годы отчасти вынужденной: после первых публикаций, касающихся созданной им концепции социальной информатики, которые были *административно разгромлены* (без рассмотрения по существу) официальными адептами информатики «традиционной» (той, что в классификации А.В.Соколова получила название научной информатики), в лучшие советские журналы на долгие годы доступ был ему, по-видимому, закрыт. Было ли это проделано явно, либо дело было поведено так, что автор сам брезговал порядка 20-и лет печататься в «Научно-технической информации» (проверить длительность этого промежутка «навскидку» мне не удаётся), я не знаю, но факт остаётся фактом: период «разлуки» автора с лучшими центральными периодическими изданиями был абсурдно долгим... Затем, как водится, «плотину прорвало», но привычка публиковаться без оглядки на «рейтинг журнала», по-видимому, осталось.

Всё, что написано выше, вообще не выливалось бы на бумагу, если бы не та самая концепция социальной информатики, о которой я только что упоминал, и которая осталась одним из сильнейших впечатлений всей моей жизни. Помню свою первую реакцию на неё: ну, наконец-то всё понятно. Помню, как (упрощая до всякому понятного, почти вульгаризируя) делился восторгами дома: мол, это о том, что «информатика», «библиотековедение» и «библиографоведение» отличаются всерьёз

лишь методами практической деятельности, описываемой соответствующими дисциплинами, а потому их методология должна изучаться вместе, «под одной крышей». Помню, как само появление в моём тезаурусе термина А.В.Соколова «науки социально-информационно-коммуникационного цикла» вкупе с переосмыслением им объектов этих наук [3] помогло мне прийти к выводу, что дисциплинарную принадлежность библиографии следует атрибутировать как «методический комплекс, *обширный* для <всех> наук социально-информационно-коммуникационного цикла» [4, с.16].

Если же говорить масштабнее, появление и «административное закрытие» социальной информатики – это история о том, как появился инструмент (метатеория), способный произвести революцию в науках социально-информационно-коммуникационного цикла, и о том, как этим инструментом не дали толком и вовремя воспользоваться. Что же за инструмент? Дадим слово самому Учёному: «Социальная информатика понимается как обобщающая теория (метатеория) социально-коммуникационного цикла наук» [5]. И далее: «Обобщающая <социальная информатика> мыслилась как метатеория информационного обслуживания, выполняющая по отношению к обобщаемым частным (конкретным) дисциплинам функции научного и терминологического посредничества: критическая оценка и обобщение полученного частнонаучного знания, разработка общеметодологических основ, упорядочение терминологии и т.д.» [5]. Кстати сказать, это достаточно скромная формулировка: здесь, скажем, в явной форме не говорится о том, что социальная информатика – это и отличная площадка для переноса знаний и методологического опыта из одной «дисциплины» в другую, и инструментарий для такого переноса. Такая площадка была ох как нужна в 70-80-е годы (пока не стало поздно)! Ведь в отсутствие (вынужденное, не по вине Аркадия Васильевича) практикующих специалистов по социальной информатике (или в отсутствие слышимости их голоса за пределами малотиражных институтских сборников) искусственно «цементировались» границы между науками социально-информационно-коммуникационного цикла. Дисциплины отгораживались друг от друга стенами на зависть Берлинской: ведь признание сходства (не говоря об общности) грозило формальной утратой дисциплинарной самостоятельности. Соответственно из статуса уникального (в дисциплинарных границах) теоретика можно было «упасть» в многочисленную компанию «успешно разрабатывающих вопросы». В этих условиях даже то, что один из авторов из числа «традиционных», «правильных», *разрешённых* информатиков осмелился, к примеру, заявить, что информационно-поисковая система имеет ту же принципиальную схему, что и «косный» библиотечный фонд, звучало, как откровение, – если не как ересь.

Намертво отгородившись – путём изгнания самих упоминаний о «социальной информатике» со страниц центральных журналов – от якобы косных библиотечного, библиографического, книговедения и прочих, советская «информатика» (в классическом понимании А.И.Михайлова с соавторами, т.е. научная информатика – согласно А.В.Соколову) лишила себе притока идей из этих «ведений» (а для молодой «информатики» плодотворными могли бы оказаться даже и некоторые рутинные для «ведений» идеи). Но приток идей из смежных областей знания важен не только сам по себе, он также может являться хорошим «строительным материалом» для разработки методологических основ. Этого материала «информатика» (в понимании А.И.Михайлова с соавторами) себя лишила, а от возможной «разработки общеметодологических основ» в рамках «социальной информатики» – отказалась. Надо ли удивляться, что когда Академия наук СССР решила обратить внимание на компьютерные и программно-математические проявления научно-технической революции XX века, то «концепции информатики как научной дисциплины, выдвинутые в 1970-е годы, не были приняты во внимание, а завоевала признание академиков заимствованная во Франции компьютерная трактовка информации» [5]. Тут же в темпе пожаротушения в СССР было объявлено о возникновении (еще одной) «информатики», которая не просто «перечеркнула» информатику в понимании А.И.Михайлова с соавторами, – но как бы вообще её «не заметила», фактически объявив её никогда не существовавшей (среди прочих последствий это усугубило терминологическую путаницу в науках социально-информационно-коммуникационного цикла уже до абсурда). После распада Союза «посыпались» и инфраструктуры «Государственной системы научно-технической информации», изучаемые и обосновываемые «старой» информатикой; «косные» же научные библиотеки, пережив неизбежный кризис, успешно развиваются, представляя порой пользователям такие услуги, о которых ГСНТИ и мечтать не смела. Не могло ли быть одной из причин такого положения дел то, что над теорией *библиотечного дела* совершалось меньше надругательств? Хорошая теория практична, а вначале было Слово, а вовсе не Дело. Вот такая малоправдоподобная и грустная история произошла оттого лишь, что некоторые идеи А.В.Соколова были брезгливо отброшены – в лучшем случае под предлогом того, что они якобы непрактичны, избыточны, спекулятивны.

Но «новая», объявленная настоящей «информатика» пошла дальше, обзаведясь и собственной «социальной информатикой», ничего общего с оригиналом не имеющей: её «предметом <...> стали взаимодействие общества и информационно-компьютерной техники, закономерности и тенденции этого взаимодействия» [5]. Хочется спросить: а что, разве действительно имеет какой-то ключевой смысл исследовать деятельность информационно-компьютерной техники *вне общества*? Или вне

социума, который здесь воспринимается как не более, чем среда, соприкасающаяся с информационно-компьютерной техникой?

К сожалению, это всё, что я действительно хотел сказать об Аркадии Васильевича Соколове. Сказать, что он сделал в течение своей невероятно активной профессиональной жизни несоизмеримо больше – значит не сказать ничего. Я промолчу про это «больше»: причины того обозначены в начале этого текста. Хочу добавить лишь, что он был одним из самых внутренне свободных людей, встреченных мной в течение жизни. И ещё: Аркадий Васильевич – объект многих будущих монографий и докторских диссертаций, а его наследие ещё не один десяток раз сверкнёт самыми неожиданными гранями.

Светлая память.

Литература

1. Соколов А.В. Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России: профессионально-мировоззренческое пособие: учебное пособие. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2016. – 385 с.
2. Соколов А.В. Детерминизм и деонтология в документной коммуникационной системе (постановка проблемы) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – №4(16). – С.6–33.
3. Соколов А.В. Объекты и предметы библиотековедения, библиографоведения и информатики (Метатеоретический анализ) // Связь библиотечно-библиографических дисциплин с информатикой: сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К.Крупской. – Л., 1982. – С.10–46.
4. Лазарев В.С. Библиометрия // Вопросы библиографоведения и библиотековедения: межвед. сб. – Минск: Университетское, 1991. – Вып.12. – С.3–18.
5. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. – СПб.: изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.

References:

1. Sokolov A.V. *Bibliosphere and infosphere in the cultural space of Russia: a professional and worldview handbook: a textbook*. Moscow, Russian School Library Association, 2016, 385 p. (in Russian).
2. Sokolov A.V. Determinism and deontology in the document communication system (problem statement). *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv = Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2008, Vol.4, No.16, pp.6–33. (in Russian).
3. Sokolov A.V. Objects and subjects of library science, bibliography and informatics (Metatheoretical analysis). In: *Connection of Library and Bibliographic Disciplines with Informatics: Collected Scientific Works*. Leningrad, N.K.Krupskaya Leningrad State Institute of Culture, 1982, pp.10–46. (in Russian).
4. Lazarev V.S. Bibliometrics. In: *Problems of Bibliography and Library Science: Interdepartmental Collected Works*. Minsk, Universitetskoe Publ., 1991, Issue 12, pp.3–18. (in Russian).
5. Sokolov A.V. *The general theory of social communication: A textbook*. St. Petersburg, V.A.Mikhailov Publ. House, 2002, 461 p. (in Russian).

В.С. Лазарев,
ведущий библиограф Научной библиотеки
Белорусского национального технического университета,
Минск, Беларусь